

УДК 327.2 + 323(47 + 57) + 323(574) + 665.6/.7

В. П. Карпов

НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Рассматривается роль нефтегазового фактора в развитии сотрудничества России и Республики Казахстан после распада СССР. Показано влияние торгово-экономического сотрудничества на развитие политической ситуации в регионе, взаимообусловленность этих процессов. Исследуются геополитические барьеры, мешающие укреплению взаимодействия России со странами СНГ в постсоветском пространстве Центральной Азии на современном этапе.

Ключевые слова: геополитика; сотрудничество; Центральная Азия; Россия; Казахстан.

Важную роль в развитии отношений РФ и центральноазиатских республик играет нефтегазовый фактор, что во многом обусловлено инфраструктурой единого в прошлом нефтегазового комплекса (НГК). В СССР была создана крупнейшая в мире единая система нефте- и газоснабжения страны, в которую вошли нефтяные, газовые месторождения, нефте- и газоперерабатывающие заводы (НПЗ и ГПЗ), магистральные трубопроводы, включая легендарные магистрали «Бухара — Урал» и «Средняя Азия — Центр». Видное место в едином комплексе занимали Казахстан, Туркменистан и Узбекистан — сегодня уже самостоятельные игроки на мировом нефтегазовом рынке. Все нефте- и газопроводы советской Азии были направлены на север. Углеводороды (УВ), транспортируемые по ним, предназначались либо для экспорта транзитом через территорию России, либо для потребления в ней самой, замещая российские нефть и газ, экспортируемые в Европу.

В постсоветском пространстве быстрее всех наращивают темпы добычи и экспорт УВ Россия и Республика Казахстан (РК), занимающая по объему добычи нефти 2-е место в СНГ после РФ. За 20 лет самостоятельного развития производство нефти в республике выросло с 25 до 80 млн т в год и пик добычи еще не пройден: к 2020 г. из недр будет извлекаться не менее 130 млн т нефти в год [Терещенко, с. 86, 87]. Эксперты считают, что с началом эксплуатации супергигантского нефтегазового месторождения Кашаган РК войдет в топ-пятерку мировых нефтедобытчиков. Достичь столь высоких показателей планируется с помощью иностранных компаний, в том числе российских («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Транснефть»).

Процесс определения стратегического подхода новой России к азиатским странам СНГ проходил сложно, потому что, во-первых, большую часть 1990-х гг. внешняя политика РФ ориентировалась на Запад, а во-вторых, представления о возможностях добычи УВ после слома плановой экономики и обвального падения нефтедобычи были весьма туманными. Главные надежды Россия, по-

терявшая за годы либеральных реформ почти половину своего промышленного потенциала, возлагала на экономическую помощь США и Европы, однако развитие мировой геополитической ситуации показало, что Россия не может ходить на одной, «западной», ноге [см.: Примаков, с. 5], не менее важно восточное направление.

К сожалению, концепция внешней политики России 1992 г., разработанная МИДом и объявлявшая в числе приоритетов налаживание устойчивых взаимоотношений со странами СНГ, оказалась не более чем декларацией. Нефтегазовое сотрудничество между бывшими советскими республиками тоже заметно ослабло. Если в 1990 г. взаимопоставки нефти между РФ и РК превысили 33 млн т, то к 2009 г. они уменьшились в 3,3 раза [см.: Парамонов, Строков, Столповский, с. 102]. Ситуация по газу на протяжении 1990-х гг. развивалась по тому же сценарию. Сложившаяся за десятилетия система транзита газа (из Туркменистана и Узбекистана через Казахстан в Россию) была почти полностью разрушена. В 1990-е гг. поставки из Узбекистана практически прекратились, а туркменский газовый экспорт сократился в несколько раз и осуществлялся не на системной основе, а с использованием бартерных схем расчетов.

Между тем именно нефте- и газопроводы, доставшиеся в наследство от СССР, стали основным каркасом экономических связей в постсоветский период. В 1992–1993 гг. большинство из двусторонних соглашений РФ в Центральной Азии было заключено с Казахстаном и Туркменистаном в силу значительной зависимости этих государств от экспорта энергоносителей, а также взаимодополняемости НПЗ России и Казахстана, сложившейся в советское время. 24 декабря 1992 г. было подписано Соглашение между РФ и РК о сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Государства договорились содействовать беспрепятственному транспорту продукции ТЭК через территории обоих государств. 2 марта 1993 г. по инициативе Казахстана было подписано соглашение «Об учреждении Межправительственного совета по нефти и газу», в котором бывшие советские республики договорились согласованно решать правовые, экономические и организационные вопросы в области нефти и газа.

Важную роль в развитии межгосударственного сотрудничества сыграло урегулирование вопросов собственности в отношении трубопроводов, расположенных вблизи российско-казахстанской границы и пересекающих ее, а также месторождений, находящихся одновременно на территории обоих государств. В январе 1995 г. было подписано Соглашение РФ и РК о взаимодействии при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов. Каждая сторона признала наличие собственности другой стороны на своей территории в виде трубопроводов и соответствующей инфраструктуры.

В первой половине 1990-х гг. цена на поставляемые в страны СНГ российские нефть, газ и нефтепродукты была намного ниже мировой. Несмотря на это совокупный долг азиатских республик Российскому государству уже к концу 1993 г. достиг 2,4 млрд долл., большая часть которого (1,4 млрд долл.) приходилась на Казахстан [Жуков, Резникова, с. 199, 200]. Западные эксперты рассматривали поставки УВ из России по низким ценам как рычаг политического

давления РФ на страны Центрально-Азиатского региона. Опасения на счет реанимации гегемонии Москвы в азиатских республиках крепили и в странах СНГ.

В свою очередь, Россия, заинтересованная в «живых» деньгах и твердой валюте, тоже была не удовлетворена характером торгово-экономических отношений с азиатскими партнерами. Наблюдая за нарастающим кризисом в России и отсутствием последовательной политики последней в стратегически важном регионе, все больше внимания ему стали уделять США, Китай, Турция и другие страны. В 1993–1994 гг. крупные контракты с правительством Казахстана заключили американские нефтяные компании. В августе 1995 г. представители международного консорциума в составе американской компании «Эксон», японской «Мицубиси» и Китайской национальной нефтяной корпорации (КННК) подписали в Пекине соглашение об изучении проекта строительства газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай – Япония. В связи с диверсификацией внешних связей центральноазиатских государств наметилась перспектива ликвидации их зависимости от трубопроводной инфраструктуры России, что ослабляло влияние РФ в регионе.

В целом, 1990-е гг. показали, что Россия оказалась плохо подготовленной к масштабным политическим изменениям в постсоветском пространстве и не смогла в полной мере использовать свои возможности влияния. В свою очередь, наши партнеры, и прежде всего Казахстан, не были удовлетворены зависимостью от российских транспортных систем нефти и газа, приступили к реализации самостоятельных проектов для обеспечения доступа своих УВ на европейские и азиатские рынки. Стремление вполне объяснимое, так как мы являемся конкурентами на мировом рынке. В конце 1990-х РФ экспортировала более половины, а РК – 4/5 добываемой нефти [Галаджий, с. 42]. При этом оба государства поставляли ее на одни и те же рынки, по одним и тем же нефтепроводам.

По мере роста добычи и экспорта УВ из стран Центральной Азии, в 2000-е гг. усилился поиск путей сближения Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и России, так как темпы развития транспортных систем в Азиатском регионе были ниже темпов добычи нефти и газа. Общие трудности переходного периода подталкивали к сотрудничеству. В конце 2003 г. в Ташкенте прошло совещание представителей РФ, РК и Узбекистана по вопросу реконструкции газотранспортных систем «Бухара – Урал» (газопровод введен в эксплуатацию в 1965 г.) и «Средняя Азия – Центр» (1966). В постсоветский период из-за физического износа пропускная способность первого снизилась с 19 млрд куб. м в год до 7 млрд куб. м, второго – с 68 млрд кубометров (мощность всех 5 ниток) до 50 млрд кубометров в год [см.: Парамонов, Строков, Столповский, с. 102, 106]. Изучалась также возможность строительства большего числа трубопроводов в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), созданной в 2001 г. Для всех ее участников (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) приоритетным является сотрудничество в сфере ТЭК.

Благодаря объединению политических ресурсов России и Китая, активности Казахстана ШОС способна потеснить интересы США в Центральной Азии.

Однако нельзя забывать о конкуренции внутри самой Шанхайской организации. Активность центральноазиатских республик и КНР может обернуться для России потерей части экспорта. Так, в конце 2005 г. был открыт 1000-километровый трубопровод «Атасу (РК) — Алашанькоу (КНР)», ставший первым центральноазиатским экспортным маршрутом, который не проходит по территории РФ. В ноябре 2011 г. между КНР и Туркменистаном был подписан договор, по которому туркмены увеличат поставки газа в Поднебесную на 25 млрд куб. м, т. е. в ближайшем будущем туда будет направляться в общей сложности 65 млрд кубометров газа в год. Таким образом, Ашхабад 1) снижает свою зависимость от российского рынка; 2) составляет серьезную конкуренцию «Газпрому» на китайском направлении; 3) прокладывает дорогу газу из Казахстана и Узбекистана, также готовым подпитывать туркменскую трубу в КНР соответственно 12–15 млрд и 10 млрд кубометров [см.: Мишин, 2012, с. 93].

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан ищут возможности маневра. К этому подталкивала и сама Россия, предлагавшая в 2000-е гг. условия экспорта УВ, не всегда отвечавшие интересам этих стран. Так, «Газпром» экспортировал газ в Европу по мировым ценам, а Туркменистан и Узбекистан вынуждены были продавать его «Газпрому» по цене существенно ниже мировой. Для казахстанских экспортеров нефти транзитные тарифы были вдвое выше, чем для российских нефтяных компаний (НК).

По мере стабилизации социально-экономической и политической ситуации в России в 2000-е гг. Москва добивалась более тесного сотрудничества с Казахстаном в области ТЭК, о чем свидетельствовали межправительственные соглашения РФ и РК о сотрудничестве в газовой отрасли (ноябрь 2001), о транзите нефти (июнь 2002), контракты между казахстанскими и российскими компаниями. И все же иностранные компании оказались расторопнее российских и быстрее включились в освоение казахстанских нефтегазовых ресурсов. Об этом можно судить по реализации 3 основных нефтегазовых проектов. Первый — Карачаганак. Гигантское нефтегазоконденсатное месторождение РК (запасы нефти — 1,2 млрд т, газа — 1,35 трлн куб. м) на условиях соглашения о разделе продукции разрабатывает международный консорциум (Karachaganak Petroleum Operating). В нем компании «Эни» (Италия) и «Бритиш газ» (BG Group, Великобритания) имеют по 32,5 % акций, «Шеврон Техас» (США) — 20 % и российский «ЛУКОЙЛ» до недавнего времени имел 15 %. Однако 14 дек. 2011 г. консорциум и Министерство нефти и газа РК заключили новое соглашение, по которому у российской компании остается 13,5%-я доля участия [см.: Терещенко, с. 88].

Второй проект — разработка месторождения Кашаган. За 2001–2010 гг. в него вложено 17 млрд долл. (для сравнения: в Карачаганак — 6 млрд долл.) итальянцами, англичанами, американцами и национальной НК Казахстана «КазМунайГаз». Российские компании не участвуют.

Третий проект — строительство и эксплуатация магистральной Каспийской трубопроводной системы (КТК), проложенной по маршруту «Тенгиз — Новороссийск». В его реализации участвуют Россия, Казахстан, а также ряд крупных компаний из других стран.

Трудно прогнозировать масштабы присутствия России на казахстанском нефтегазовом рынке, поскольку он становится все более привлекательным для многих стран и компаний. При этом следует учитывать, что, во-первых, российским компаниям приходится конкурировать в РК с крупнейшими иностранными фирмами; во-вторых, в самой России сталкиваются интересы государства и влиятельных финансово-промышленных групп (ФПГ) в вопросе о сотрудничестве с РК. Для государства страны Центрально-Азиатского региона — важный политический партнер, а для ФПГ — потенциальный конкурент. Хотя для усиления энергетического сотрудничества РФ и РК есть не только политические, но и экономические стимулы. Добывать энергоресурсы в Центральной Азии дешевле, чем в РФ, поэтому Москва использует их для внутреннего потребления, а за рубеж поставляет нефть и газ Западной Сибири.

По сравнению с иностранными компаниями российские предприятия пока сохраняют определенные преимущества по двум важным позициям. Первая — обеспечение транзита казахстанской нефти на внешние рынки. Вторая — контроль над основными объемами первичной переработки казахстанского природного газа и соответственно над экспортом произведенного товарного газа в российском направлении. Однако остается все меньше гарантий того, что российской стороне удастся сохранить данные преимущества. Так, в 2000-е гг. построены нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан (Иран) — БТД» (в 2005, мощность 60 млн. т нефти в год) и газопровод «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай» (в 2009, проектная мощность 40 млрд кубометров). Выход на БТД возможен через нефтепровод «Актау (РК) — Баку», и в июне 2006 г. было заключено Соглашение между Азербайджаном и РК о содействии транспорту нефти из РК через Каспийское море и территорию Азербайджана на международные рынки. Соответствующее давление на РК оказывают США, поддерживая идею казахстанских лидеров об особой роли республики в Прикаспийском регионе. Обсуждаются и другие проекты трубопроводов в обход России. Например, газопровод Набукко (Nabucco), пуск которого предполагается в 2017 г., или проект магистрали «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия» (ТАПИ) [см.: Мишин, 2009, с. 91; Коржубаев, с. 12].

Если бы перспективы Nabucco, ТАПИ и других проектируемых магистралей были обусловлены только сырьевыми, инвестиционными, транзитными и потребительскими факторами, это была бы чистая, а потому более-менее прогнозируемая экономика. Однако на Юге необходимо учитывать и военно-политические аспекты — иранский, карабахский, грузинский, афганский, индо-пакистанский. Только иранский «вулкан», если он будет «разбужен» (о превентивных воздушных атаках на ядерные объекты Исламской Республики периодически говорят в Тель-Авиве), способен резко изменить глобальную энергетическую ситуацию. В случае карабахской войны (Азербайджан — Армения) очень высока вероятность армянских атак на нефтепровод БТД [Мишин, 2010, с. 83]. С разной степенью вероятности прогнозируется рост протестных настроений даже в относительно благополучной Турции [Шишкина, с. 123]. Возможно, со временем геополитические барьеры будут устранены, но в среднесрочной перспективе, когда государствам Центрально-Азиатского региона придется прини-

мать решения в пользу того или иного варианта трубопровода, политические проблемы сохраняются.

Наиболее спорным является проект Транскаспийского газопровода (ТКГ), предполагающий прокладку 200-километровой трубы из Туркменистана по дну моря до побережья Азербайджана. Предполагаемый маршрут экспорта газа: «Туркменбаши — Баку — Тбилиси — Эрзурум (Турция)». Это ущемляет интересы России как главного поставщика товарного газа в Европу, и Китая, надежно «севшего» на туркменскую трубу. Вашингтон активно «продавливает» реализацию не только ТКГ, но и другой транскаспийской магистрали: нефтепровода «Актау (РК) — Баку». По этим трубам нефть Казахстана и газ Туркменистана могут начать свой путь в Европу в обход России. На разработку технико-экономического обоснования названных проектов Азербайджан получил от США грант в размере 1,7 млн долларов [Мишин, 2007, с. 100].

Против ТКГ активно выступают РФ и Иран, настаивающие на том, что газопровод не может быть построен без решения о правовом статусе Каспийского моря и проект может быть реализован только с согласия всех пяти прикаспийских государств — Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. Против ТКГ и участники другого транснационального проекта — ТАПИ, заинтересованные в том, чтобы туркменский газ остался в Азии. Астана пока сохраняет нейтралитет. А Ашхабад согласен продавать свой газ на «туркменской границе», считая, что вопрос о его доставке через Каспий европейским потребителям — дело ЕС [Егоров, с. 93; Конопляник, с. 50, 55]. Конкуренция между транспортными маршрутами из Центральной Азии в Россию, Азербайджан, Китай и Иран будет расти в связи с планами значительного увеличения нефтедобычи в Казахстане.

Таким образом, неумолимо развивающаяся глобализация, сближая страны, в то же время на участке энерго- и ресурсоснабжения все больше разъединяет их, превращая в игроков разных команд на мировом рынке. По мнению многих западных экспертов, Россия — временный транспортный посредник между Азией и Европой и со временем у Казахстана, Узбекистана и Туркменистана появятся более выгодные собственные экспортные маршруты. Для России это может обернуться серьезными геополитическими потерями. Дальнейшая переориентация центрально-азиатских потоков нефти и газа на Китай и Азербайджан нанесет удар не только по экспортным возможностям, но и политическому влиянию РФ в регионе.

Сегодня Россия — крупнейший в мире производитель и экспортер нефти и газа как по физическим объемам и энергетической ценности, так и по денежным доходам от их реализации на международных рынках. А лидерам мировой экономики (Китай, США, Европа) нужно топливо во все возрастающих масштабах. У топливных конкурентов России пока не те масштабы, чтобы удовлетворить запросы и Евросоюза, и США, и Китая вместе взятых. Поэтому поставки энергоресурсов остаются одним из рычагов внешнеполитического влияния, и Россия должна использовать эти козыри для повышения своего статуса на международной арене. Наша страна остается единственным евразийским государством, географическое положение и экономика которого позволяют

выстраивать трансасиатские схемы транзита углеводородов. Однако со временем взаимодействие государств в Центральной Азии и их сотрудничество в нефтегазовой сфере будут определяться не столько структурой постсоветской экономики, сколько геополитическими факторами глобального порядка. Их необходимо учитывать России, чтобы сохранить свои позиции в регионе.

-
- Галаджий И.* Поле нефтяной битвы // НР. 2001. № 8.
Жуков С. В., Резникова О. Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
Егоров В. Опоздавший караван // НР. 2012. № 2.
Конопляник А. На развилке трех дорог // НР. 2011. № 2.
Коржубаев А. Взгляд за горизонт // НР. 2009. № 12.
Мишин В. Под знаком оливковой ветви // НР. 2007. № 12.
Мишин В. Каспийское транспортное дерби // НР. 2009. № 10.
Мишин В. Каспийские дела и думы // НР. 2010. № 1.
Мишин В. На переломе // НР. 2012. № 1.
Парамонов В., Строков А., Столповский О. Всадник по имени нефть // НР. 2009. № 12.
Примаков Е. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
Терещенко В. После «нефтяного бунта» // НР. 2012. № 2.
Шишкина С. Ю. Волнения на арабском Востоке как потенциальный фактор энергетической политики России // Нефть и газ Западной Сибири : материалы международной науч. конф. Т. 4. Тюмень, 2011.

Статья поступила в редакцию 19.05.2012 г.